

9.12.95

18

ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ

КУЛЬТУРА. — 1995. — 9 дек. — с. 5.

ВАЛЕНТИН НИКУЛИН: Я рвусь в Москву, где мой Арбат

Спустя почти пять лет известный актер театра и кино Валентин Никулин снова в России. Это интервью он дал мне незадолго до приезда. Итак, мы сидим у него в красивой трехкомнатной квартире в центре Иерусалима, в одном из самых престижных районов. Пьем чай, и я задаю вопросы.

Павел ПЛАТОНОВ

- В Москве вы оставили много друзей. Много ли друзей вы приобрели в Израиле за пять лет?

— Эту хирургическую операцию, а это действительно операция, я проделал накануне своего шестидесятилетия. И дело не в том, что это Израиль, Иерусалим. Могла быть какая угодно другая земля. Я, конечно, зависим. Арбат, Собачья площадка, Бульварное кольцо, "Современник". Это совершенно очевидно — в молодости все друзья. С годами, когда человек мудреет, потерь гораздо больше, чем приобретений. Но это все там, в Москве. "Все уже круг друзей". Конечно, так и должно было быть, новых приобретений настолько мало, и это так трудно. Появляется совсем иная степень отбора. Другие мерки. Поэтому мало, очень, очень мало.

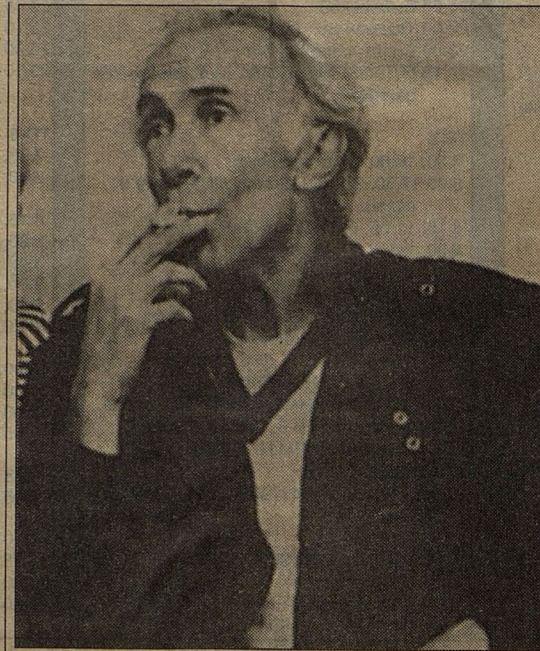
— Вы уехали от благодарного российского зрителя. Здесь публика, которая ходит на ваши концерты и спектакли, тоже ведь приехала из бывшего СССР. Другой

климат, другая жизнь. Скажите, ваш зритель стал другим?

— Очень часто, когда я иду по улице, ко мне подходят люди. Вы правы, они приехали из России, Украины, Грузии — откуда-то от нас. Подходят, спрашивают, где вы играете, будет ли встреча со зрителями, как вы живете, где? За последние три-четыре года так много приехало из России людей: рабочие, инженеры, художники, писатели. Но все они, как, впрочем, и я, физически здесь, но все еще там. Да, зритель здесь наш, российский, как шестнадцатая республика. Когда мы играли "Чествование", "Возможную встречу", да и на моих творческих вечерах я видел те же лица, те же глаза, слышал те же аплодисменты. Но его, зрителя, мало. Там, в России, весь зритель наш, а здесь его меньше, много меньше.

— Работали ли вы здесь с новыми режиссерами, и если да, то что дали они вам?

— Нет, нет, не получилось. Я не имею, конечно, в виду Мишу Козакова. Мы с ним шестидесятники да и в "Современнике" работали вместе пятнадцать лет. Последняя работа с ним как с режиссером в России — "Визит дамы".

Я думаю, дело в том, что Израиль — молодая страна, нет школы. А я человек школы. Так что пока новых встреч не получилось.

— После блистательных партнеров в театре "Современник" легко ли вы находили общий язык с израильскими актерами?

— Я его не находил, и мне стало ясно, что и не найду. Не знаю, кого винить. Но не находил и не найду, не смогу. Катастрофически не смогу. Это иная природа существования. Они формальны. Умеют играть кусочки, но тянуть линию... Играть кусочки можно в кино. Но начать и закончить они не могут. Это другая школа.

— Чувствуете ли вы себя израильтянином?

— Нет! И никогда не смогу почувствовать. Не смогу. Я не сразу это понял, но сейчас, через пять лет, могу точно сказать: я российский человек с точки зрения духа, культуры. И потом, я просто не успею почувствовать себя израильтянином, для этого нужно слишком много времени. Не суждено случиться.

— В Москве у вас были репетиции, спектакли, съемки в кино и на телевидении, записи на радио. Появилось ли здесь у вас свободное время, если да, то как вы его используете?

— Да, в Москве это было. В той жизни это было. Я репертуарный актер. А здесь у меня слишком много свободного времени. Я, повторяю, репертуарный актер, не считая съемок, записей и т.д. А здесь за два года — фактически всего два спектакля. Да, времени пустого мно-

го. Но ничего, как-то пытаюсь заполнять. Музыка, музыка, записал пять романсов. Сыграл свой моноспектакль несколько раз. Есть какое-то общение. Гастроли замечательные в Америке. Ну вот, а теперь четыре месяца ожидания гастролей в России.

— Что вам дал Израиль и что отнял?

— Отнял Рахманинова, отнял Чайковского, Скрябина. Отнял в буквальном смысле слова Переделкино, Булата, Левитанского, друзей-актеров. Отнял всю ту ткань, из которой я сложен. А восполнено ли это? Думаю, что нет. Да и не может быть. Ведь четыре пятых остались там.

А дал здоровье, блистательную операцию — пошел кровоток. Чувствую себя прекрасно. Меньше устаю, могу много работать.

— Кому вы сразу позвоните, когда приедете в Москву? Назовите хотя бы некоторых.

— Очень многим, ну, конечно, безусловно, Булату, сразу, немедленно. Юрочке Левитанскому, Фазилу, Володе Медведеву. Я не говорю о театре, там просто всем, начиная с Волчек, и просто всем. Ну, конечно, Микаэлу Таривердиеву, двум сестрам Сашке и Ольке, Армену. Я рвусь в Москву, где мой Арбат. Это и Юра Платонов, Ниночка Миронова, Светланочка Нимчевская, которая уже дважды была здесь. Очень много людей ушло, но это особая тема. Их нет и в общем-то уже давно нет, но я еду в Москву, и я еду к ним. Им невозможно позвонить, но они тоже первые. Они первые, кому я бы позвонил. Это Влад Дворжецкий, Олег Даль, Володя Высоцкий, Юрочка Богатырев, Леша Эйбоженко... Это будет, будет там. Я очень надеюсь, что как бы ни менялась жизнь (когда я уезжал, проезд в метро стоил пятак), мы все остались прежними. Я очень надеюсь.

Никулин Валентин